

Мастер-класс травы: Девиз мангусты - пойди и узнай

Пенгфей

Выбрав в качестве места занятия беседку он не ошибся, прохлада ручейка спасала от жары, деревья давали тень, а журчание воды настраивало на мирный лад познания и единения. Всем, кто придет, он будет рад. Даже если это будет один человек - день прожит не зря. А если нет, то он не потеряет день даром нежась в прохладе, займется делом. Шаги. Он улыбнулся поворачиваясь на шум. Приветствие. Смотрел с интересом, а может и на него смотрели так же. Вернее даже не на него, а на то, что было разложено перед ним. Ровный рядок свитков плотных, в которых явно было что-то аккуратно завернуто. А тех, кто не знал китайского письма, интриговали аккуратно выведенные иероглифы по краю. Свитков хватило бы на всех. Даже не повторяясь в содержимом.

- Вы знаете, что человек не совершенен и не знает всего, что, к примеру знает его сосед.

Начал вступительную речь - говорил четко и медленно, тщательно вспоминая и выбирая знакомые слова. Так, чтобы его понимали. Слова повторялись и акцентировали.

- Знает и не знает? А интересно и любопытно, да? Мангусте тоже все интересно. Как и прилежным ученикам. Сегодня вы станете людьми-мангустами. Тоже пойдете и узнаете. Дадите любопытству волю. А я вам дам задание.

Повел рукой в сторону свитков и как-то по-озорному улыбнулся.

- В каждом свитке растение, выведено название.

Он еще раз посмотрел на пришедших. Хлопнул в ладоши. Привлекая внимание уже к собственным словам.

- Надо узнать что это за растение, узнать для чего оно, помогает ли или наоборот вредно. Сделать записи. И самое главное - отдать на проверку вашему соседу-мангусту. Вы смотрите его записи, он ваши. И все мангусты довольны.

Второй хлопок.

- Девиз мангусты - пойди и узнай. Любым способом.

Он не думал, конечно, о плохом - скорее расспросы, библиотека, наблюдения и возможно какие-то свои знания.

- Разбирайте.

И прикрыл глаза, мол я не смотрю кто что выбрал. Он тоже мангуста.

Просьба написать в личку тем, кто принимает участие в мастер-классе.
Вывешу списком для удобства.

Катара

Анна-Лиза Саволайн

Яшими Файр

Яшими Элен Файр

Травами Яшими никогда не интересовалась, но тут оно прямо одно на одно складывалось – в начале занятие с новым мастером, а потом этот же мастер проводит еще и мастер-класс, что обещало быть интересным и необычным – это она чувствовала буквально печенкой, а перед таким искушением как нечто интересное устоять было вообще невозможно. Так что на травы Яшими пошла и ничуть о том не пожалела.

Начало мастер-класса было каким-то необычным – ни про травы, а про недостаток знания, который Яшими воспринимала философски. Ей вот никогда не хотелось знать то, что знает кто-то другой, во-первых потому, что раз не знает, значит оно ей не надо, как только будет надо – оно само узнается, а во-вторых было в этом что-то не совсем этичное. Файр же с некоторых пор, а именно по мере того, как увеличивались ее возможности в узнавании скрытого, к личному и скрытому стала относиться намного более трепетно, чем до того, все больше проникаясь величием принципа «меньше знаешь – крепче спишь» и «многие знания – многие печали». Вот только с врожденным любопытством бороться временами было очень трудно.

Мангусты? В детстве Яшими читала историю Кипплинга о мангусте Рикки-Тики-Тави, который мужественно охотился на змей, там тоже было про этот девиз и вообще написано настолько хорошо и интересно, что маленькая Яшими еще несколько дней опасалась выходить в сад – а вдруг там водятся змеи, а своего мангуста у них-то нет. И тем не менее подглядывать в чужие записи было как-то неправильно что ли. Файр было совершенно не жалко поделиться своими, но лезть в чужое было совершенно неприемлемо. Если кто-то согласиться поделиться – она будет только рада, а по-другому – никак. Хотя это не значило, что она не могла узнать, если бы захотела. Скорее именно потому, что могла – это было неправильно.

Выбрав свиток, девушка мельком взглянула на иероглифы внутри него и отправилась в библиотеку. В травах она не разбиралась, своих знаний по предмету у нее не было, спрашивать у кого-то не любила, а вот пойти и все разузнать самой – самое то.

Итак, полынь. Яшими это растение видела и дома и встречала здесь. Очень распространенное и считается сорняком. Настоящий бич земледельцев. Вот только, как следовало из прочитанных книг, полынь еще была и очень полезным растением. Девушка листала книги, черкая периодически в своем блокноте несколько строк.

Полынь. Другое название – чернобыльник. Для лечебных целей используются цветки, листья, облиственные верхушки и корни. Надземная часть собирается в период цветения, а корни выкапываются поздней осенью. – тщательно переписала она строки из справочника травника. Полистала дальше, отыскивая, где же она применяется. Слово «моксотерапия» девушка раньше точно не слышала, да и сам метод ей не понравился. *Прижигать особые точки на теле полынными сигаретами? Это же больно наверное!* Но сам факт в блокнот записала - все-таки лекарственное использование, и не важно, нравится оно ей или нет. Лечение вообще редко бывает приятным для пациента, да и для врача, которому с этим вечно недовольным пациентом возиться приходится, наверное тоже. *Из полыни делают настои и отвары.* Причем спектр применения этих отваров оказался настолько широк, что Яшими только головой покачала – и желудок, и роды, и даже успокоение нервной системы. *Разве может что-то одно помогать против всего? Прямо панацея какая-то. Настояем*

листьев лечили эпилепсию. Ну это наверное успокоение нервной системы вместе с легким снотворным эффектом должно сказываться. А желудочные колики причем тогда? И их же тоже настоем листьев лечат! Только концентрированным. Может быть общее успокаивающее и обезболивающее воздействие? Отсюда и применений столько?

Про листья было в целом понятно, и Яшими стала читать про корни, которые отваривали в белом вине. *Зачем это интересно?* Оказывается, все потом это смешивали с медом и лечили органы дыхания и даже туберкулез. Девушка переписала эту информацию и нахмурилась. То ли она что-то не понимала и травы и в правду обладали настолько разнообразным и глобальным воздействием на организм, то ли где-то здесь закралось преувеличение и фактические ошибки. *Если все так, то зачем столько лекарств, разной химии и исследований? Всем полыни и будут здоровы! Вон и ванны с полынью рекомендуется принимать при простуде, и к ранам ее прикладывать для заживления.*

Яшими поставила справочники обратно на полку и стала искать еще какую-нибудь книжку, где может быть будет разъяснено, что в этой полыни такого полезного есть, что она так хорошо на весь организм действует. Особым успехом поиски не увенчались, зато Файр выяснила, что полынью лечится еще и диабет. А также стенокардия (знать бы еще что это) и неврологические заболевания. *Вот точно – трава на все случаи жизни.* Девушка со вздохом захлопнула книжку и пересмотрела свои записи. Как-то все равно не верилось ей, что все это может одна несчастная травка. Дописав в конце, что стебли полыни использовать не рекомендуется, Яшими свои исследования на этом закончила и отправилась обратно – сдаваться и делиться информацией с другими мангустами.

Ингвар Ларсен

Мир вокруг прекрасен.

Когда-то он с трудом заставлял себя думать об этом, с трудом сползая с кровати и остервенело растирая слипшиеся глаза. Когда-то эта истина с трудом держалась в голове, мешая видеть и слушать, мешая понимать. За ней таились жалкие желания, вроде остаться дома подольше, или полениться денек...

Так было когда-то. Давным-давно, еще до конца прошлой жизни.

Порой стоит порвать со всем, чтобы научиться видеть заново. Ингвар просыпался, моментально распахивая глаза, и с улыбкой на губах ловил следы солнечных лучей на белоснежном грубом потолке. Дышал глубоко и часто, впитывая в себя горную свежесть и невесомый аромат трав, просачивавшийся сквозь все щели. Бежал – почти летел к ручью – чтобы плеснуть ледяной водой в лицо, потряхnutь головой, с лукавой улыбкой вглядываясь в покрытое рябью отражение. Изменится ли что-то, если он хотя бы однажды дождется, пока вода успокоится?

Но он никогда не дожидался. Уходил, оставляя загадку на потом; день таил множество более интересных и полезных секретов и тайн, желание раскрыть которые горело в горле и жгло мысли, подгоняя вперед.

Занятия и книги – чередой, одно за другим, и в перерывах лишь ветер и вода, холодные бока камней озера и шелк травы под босыми стопами в диком парке.

И мир – большой, красивый, как игрушка в чаше ладоней, которую нести надо бережно-бережно, боясь сломать что-то звонкое и хрустально-чистое; мир

сплетался из бликов, запахов, птичьих трелей и хлестких стеблей неведомых трав. И если первые стоило лишь ловить, о последних хотелось знать, чем больше, тем лучше.

Ингвар перелистывал тома, всматривался в картинки, но этого не хватало; стоит ли говорить, что на занятие, чудом возникшие в списке мастер-классов на день он неся, подгоняемый всеми ветрами в спину?

- Добрый день, - учтиво склонился парень еще на пороге беседки, привычно сложив руки у груди. Жест проистекал не из этикета и правил, а из непонятного, но безмерного уважения и рвения узнать, услышать – одному, без помощи, не справиться.

Норвежец слушал внимательно, непонимающим взглядом сверля свитки. Наставник говорил вроде бы ясные вещи... И все равно, одна мангуста чего стоило. В этом же есть особый смысл, до которого надо докопаться. Из всего сказанного выходило, что это лишь толчок к любопытству – совсем лишний, кстати, раз уж они пришли на занятие, значит, им и так интересно – но если это только кажущееся значение?

За всеми размышлениями пришла очередь выбирать; Ингвар вытянул свиток наугад, не разворачивая его, попрощался. Из-за размышлений тон получился отстраненным, но он и не заметил, устремившись в библиотеку. Хотя бы для того, чтобы узнать, какая травка попала ему – в голове устойчиво поселилась идея, что вряд ли среднее знание китайского включает и понимание всех без исключения слов; действительно, редко кто начинает с перевода ботанического справочника.

Опасения подтвердились очень скоро – шагать было от силы минут пять. Норвежец практически не смотрел перед собой – ноги, как говорится, сами принесли в обитель знаний. Парень пробежался пальцами по корешкам книг, быстро вытащив нужные; по традиции, на два фолианта три словаря, утвердил полученную стопку на край столика, расстелил свиток. Как и ожидалось – иероглифы складывались в читаемое, но неизвестное слово. Пока он шерстил словари, в голове какие только идеи не всплывали; воображение рисовало страшные яды и всемогучие корешки, глянцевого листья и яркие пятна цветов...

Ингвар чуть не расхохотался, стоило найти нужное слово.

Полынь. Полынь полевая.

Парень потер переносицу, припоминая, что вытащил еще из жизни до монастыря. Дома росла полынь – кажется только, другой вид, горькая. От нее на пальцах оставались липкие пятна горького сока.

Как ни странно, больше ничего и не вспомнилось. Норвежец с улыбкой раскрыл первый фолиант, скользнул пальцем по оглавлению в поисках нужной страницы.

И погрузился в мир полный терпкого аромата и укутанных пылью дорог. В какой-то момент он спохватился, заскользил по бумаге пером, выписывая самое важное и необходимое, в основном, о пользе – вряд ли мастеру Пенгфею так необходимы научная классификация и факты о строении цветка.

«Полынь полевая, произрастает в Евразии, предпочитает обочины дорог, сухие залежные луга, каменные пустыни, степи, в том числе, горные. Широко применяется в медицине, используют все части растения. Отвар из листьев и цветов помогает при желудочных болезнях, возбуждает аппетит, спасает от язв и гастрита. Мазь из одной части полынного сока и одной – свиного жира – способствует заживлению ран и уменьшению воспаления. Эфирное масло и настои на спирту облегчают дыхание, выводят слизь».

Ингвар задумчиво повертел в пальцах перо. Много строчить тоже не хотелось – как показывала практика, редко когда целый свиток был более полезен, чем несколько абзацев. Он перечитал написанное, задумчиво пририсовал еще несколько

иероглифов, предупредив, что излишнее злоупотребление полынью ведет к головным болям и отравлению.

Да это и так понятно, вроде бы.

Норвежец вернул книги на место, еще немного побродил вдоль стеллажей, вглядываясь в узор уже закатных лучей. Его все не отпускало сравнение с мангустой, словно за метафорой прятался путь к решению, который он напрочь выбросил из головы.

И, уже выйдя из Храма, сообразил, что именно.

Человек-мангуста; звери разбираются в травах лучше. И если выпустить частично свое «я» наружу, попросив знание в обмен на шанс увидеть мир... То даже агрессивная зверьга внутри сунет любопытный черный нос наружу.

Ингвар заспешил к дикому парку, предполагая, что там никто не потревожит – да и полынь если где и есть, то на его опушке со стороны гор. Он шел снова почти не глядя на дорогу, полностью погрузившись в свои мысли – зверь требовал контроля, и без договоренности они бы не обошлись.

Один сохранил, и медведь согласился. Довольно рыкнул, призывно мотнул мордой – где он, твой кустик, а ну дай понюхать... Ингвар практически добежал до парка, бросился налево, к предгорью, к поросшим травами камням. Постепенно чувства растворялись в идиллии вокруг. Призывно шептали кузнечики, ветер трепал верхушки кустов, пригибая травы к земле... И мешанина запахов вдруг распалась на отдельные скрученные нити, повисшие в воздухе.

Медведь снова рыкнул, требуя идти вперед – Ингвар почти разделил сознание, одной частью контролируя происходящее, а другой внимательно наблюдая за зверем. И горький терпкий аромат хищнику определенно нравился, иначе бы не пошел самовольный зверь.

В голове смутными обрывками бродили приятные мысли. Какое-то солнечное настроение, радость без причин, легкость в восприятии, словно горечь прогнала все лишнее, оставив после исцеления только свет...

Норвежец добрал до кустика полыни, присел рядом, бережно погладил бархатистый стебель. Пальцы окрасились осыпавшейся золотистой пылью – он поднес ладонь к губам, вдохнул глубоко-глубоко, вбирая в себя все детали, все мельчайшие частицы этого дня, окрашенного янтарем.

Время текло лениво; Ингвар отпустил зверя, поблагодарив – совсем скоро он выпустит его наружу, и медведь, зная это, не спорил, лишь дернул головой, словно обещал припомнить все обиды. За зверем в его пустынном мире на краю обрыва тянулся шлейф пряного аромата, и Ларсен никак не мог отпустить улыбку, продолжая глядеть вслед.

И все же, пришло время заканчивать задание.

Норвежец успел к беседке как раз вовремя – другие уже собрались, тихо шурша свитками, менялись мнениями, перешептывались, изредка бросая в звенящий воздух отчетливые смешки; вся эта деловая суeta захватила его с головой, и минутой спустя норвежец тихо, но уверенно влился в дискуссию.

Катара

Она с удовольствием пошла на очередной мастер-класс, не волнуясь за то, что разбираться придется с травами. То есть копать в библиотеке вроде как хорошо, но если бы у неё были хоть какие-то начальные знания по данной теме... А то ж приходилось изучать их с полного нуля - на родине, с температурой под минус пятьдесят определённо была своя флора. Мхи, водоросли, лишайники и целых два

вида цветковых растений! И то, в самой деревне никто не знал, что это за диковинки такие. Катара запомнила, как те выглядят, а потом искала в спокойной обстановке в библиотечном травнике.

Как оказалось, это были колобантуса кито и луговика антарктического.

Но, как говорится, у страха глаза велики. Лекарственные растения ей придётся знать в любом случае, иначе никакой она не врачеватель. Всегда обходиться только целительной энергией Анахаты-чакры - как-то неправильно, что ли... При лечении обязательно должны присутствовать пряные травы, иногда запах успокаивает, боль частично проходит, да и просто приятно вдохнуть в себя все эти запахи.

Она видела, что скрывалось в этих свёртках, но не все растения могла определить. Выбрала то, что знала наверняка - мяту. Развернув свёрток и убедившись в том, что это действительно мята, Катара улыбнулась. Что бы она делала без своих способностей... Вытянула бы какую-нибудь чудь-траву, а потом иди разбирайся, что это и с чем его едят.

Мастер Пенгфей - интересный с виду пожилой мужчина. Во-первый, почему-то без фамилии. Во-вторых, она уже поотвыкла от мудрых стариков, разбавляющих обыденное занятие своей юморцей. Сегодня они - мангусты, главная задача которых вынюхать всё про своё именное растение. Сроки оговорены не были, наверное предполагалась какая-то договорённость между послушниками. Ну, ладно, она вернётся так скоро, как только может. Разузнает всё про мяту и сразу сюда.

Поклонившись мастеру при уходе, Катара ушла в библиотеку среди первых. Точнее, залетела. Времени терять нельзя было нисколько, максимальная концентрация, мобилизация всех внутренних ресурсов! Так, она нашла аж две книги по травам. Проследила указательным пальцем за содержанием, нашла там мяту, перелистнула нужную страницу. Сделала краткий конспект того, что прочитала. Закрывает книгу, открывает другую. Она всё ещё одна в библиотеке. Отлично. Сколько тут было рецептов для готовки! Катара на всякий случай записала себе парочку, и ещё парочку записала в блокнот. Закрывает книгу. А вот и другие ученики подошли. Вовремя она все сделала. Девушка решила перечитать все свои записи о мяте. Она даже краткий набросок мяты сделала.

" Мята полевая. Многолетнее травянистое растение семейства губоцветных с ползучим корневищем. Стебель прямой или восходящий до одного метра высоты, ветвистый, иногда красноватый, опушенный. Листья густоопушенные, черешковые, у основания клиновидные, на верхушке заостренные, по краю зубчато-пильчатые. Цветочные мутовки пазушные, до верхушки раздвинутые. Венчик от трех до пяти миллиметров длиной, розовый или розово-лиловый. Цветет с июня до октября, плоды созревают в августе - октябре. Лекарственным сырьем являются трава и листья. Растение обладает успокаивающим, болеутоляющим, противовоспалительным действием, улучшает аппетит, секрецию пищеварительных желез, прекращает тошноту и рвоту.

Надземная часть употреблялась при туберкулезе легких и желудочных заболеваниях; наружно в виде обмываний и примочек - при судорогах, ревматических и артрических болях, зуде и воспалительных процессах кожи. Листья можно было использовать как настой для внутреннего применения - при гастритах с повышенной кислотностью желудочного сока, колитах, болезнях печени, желчного

пузыря, тошноте, вздутии живота. Свежие - в виде припарок к ранам, опухолям и язвам. Измельченные в порошок сухие листья - при тошноте, рвоте, спастических болях в животе. Входят в состав желчегонных, ветрогонных, желудочных, отхаркивающих, потогонных сборов." Как именно делать настои, Катара решила не упоминать, с них вряд ли требовался такой подробный доклад, да и хотелось вернуться не за полночь. Она всегда успеет дочитать эту статью и отдельно выписать для себя интересную информацию.

Пожалуй, и хватит. Девушка быстро-быстро вернулась к мастеру, с удивлением обнаружив там Яшими, которая тоже всё сделала. Когда она успела-то? Нет, она не могла сердиться на девушку и завидовать ей целую вечность. С неохотой передав свои записи, она углубилась в чтение её заметок о полыни.

Анна-Лиза Саволайн

С выбранной однажды "экзотической" линии Анна-Лиза в определенный прекрасный момент сбивается. Занятие, где учат травы отличать друг от друга, чем-то смутно и тоскливо напоминает по звучанию своему обыкновенную самую школьную биологию-ботанику, где весь класс, мрачно ссутулившись, перебирал тычинки и учился отличать их от пестиков. Вписывать этот мастер-класс в одну линию с рапирой и цзянем (а такая чудная линия получалась, просто загляденье!...) упорно кажется девушке очень странным - вроде бы все логично, перечислены сплошные прикладные навыки, осваиваемые без помощи магии, и все-таки есть в этой цепочке что-то несолидное и смешное. Саволайн сообщает самой себе, что хихикать в ладошку она будет в другое время и в другом месте, а сейчас уж надо не фыркать и сходить, раз решила.

Мангустом себя Анна-Лиза ни в коем разе не считает, но девиз, как находит девушка, очень хороший. Основательный такой, верный - а главное, не подкопаешься, смотришь, и вроде бы все верно. Пойди да разузнай, чего уж там, не ждуть же, в самом деле, когда все принесут на блюдечке, с этой, как ее, синей оторочкой. Свиток из предложенных на обозрение девушка выбирает не глядя - да так до библиотеки и добирается, держа в руках неизвестно что, то ли ценный бриллиант, то ли личинку Чужого в подарочной упаковке. И прочесть наконец иероглифы соизволит только уже стоя перед полками и размышляя, брать ли ей вот эту книжку с основательно черным корешком или все-таки вон ту, травянисто-зеленую и спрыснутую чем-то золотистым?

Зверобой - название, которое Анна-Лиза в конечном итоге вычитывает в свитке, на нежное и трепетное растение похоже меньше всего. Саволайн невольно представляет себе воинственный куст, выбрасывающий в разные стороны острые полуметровые шипы, к которому ни один олень-самоубийца, ни даже пустоголовый самый баран не подойдет на вечерний перекус. А книги неожиданно демонстрируют девушке вполне миролюбивый такой цветочек, с трогательными желтыми лепестками. Девушка с разочарованным вздохом несколькими беглыми штрихами набрасывает для своей работы изображающий зверобой рисунок - а рядом, для сравнения, не удержавшись, изображает свою хищную фантазию, определенно имеющую в основе своей что-то родственное с зубастой тропической мухоловкой. Список свойств зверобоя Саволайн изучает с легкой тоской, задумчиво помахивает в воздухе пером и усиленно думает, как бы ей перевести, скажем, слово "перистальтика" на более понятный, общечеловеческий язык, без недоступной лопухому обывателю медицинской терминологии - и в конце концов пишет, махнув

рукой на точность и солидность формулировок: *Помогает от запора. И гастрита. И другой различной хвори. Помогает нервным людям - голосить поменьше и ночью спать крепче. Лечит десны от воспаления, спасает зубы от выпадения. Не разбирать и не давать мужчинам и детям.*

Переврав финальным аккордом текст так, что автор энциклопедической статьи в этой адаптации в жизни бы не узнал свое родное детище, Анна-Лиза отбрасывает перо жестом какой-нибудь французской графини - отмучилась, расправилась, разделалась с ненавистными векселями. Сворачивает свиток, рискуя размазать еще не до конца высохшие чернила и всю работу угробить (ну и леший бы с ней, глобально-то говоря, все равно самым примечательным в работе является сюрреалистический рисунок, невесть зачем туда девушкой втиснутый) и неторопливо возвращается в беседку, полюбопытствовать, чьи еще непомерно острые перья столь же бесцеремонным образом не пощадили чужие научные изыскания. И да, обнаружили ли еще такие гении на мастер-классе вообще.

Пенгфей

Звуки мира, как гром. То где-то там, то сразу уже здесь. Древние почитали его голосом богов, отзвуком мировых битв за свободу мира. Сидя, подвернув ноги для удобства, в ожидании мангустов, Пенгфей думал о том, что было совсем не давно - ассоциации. Задания. Его ученики и их возможные мысли. Вспоминал, как в очередной день его возвращения в деревню внучка бежала навстречу держа в руки потрепанную кассету видеомэгнитофона. Они его выменяли на рынке на толченые травы. Сказали как принимать. Даже не ввали, как зачастую делают местные. Так да... Мысль старика вернулась к образу Юю. Его белочки. Она бежала и кричала.

- Старик, ты должен это посмотреть! Там Скорпион и храмы, совсем как у нас горах! Она была права, только вот скорпион и Скорпион оказались совсем не похожи. Зато все юноши села начали интересоваться историей мира чуть больше. Пусть хоть мифы почитают. Пойдут по пути мангуста. А он. Что он. Будет ждать весточки. Соберет свитки, да погрозит пальцем вон той зверюшке с особо роскошной шерсткой. С явным европейским мотивом. Как там звали ту дерзкую - Соня?

Свитки, свитки, свитки. Разные почерка и разные судьбы. Разные мечты и стремления. Казалось, разверни и услышишь. А может и увидишь, как сегодня.

Он поблагодарил их за интерес пряча работы в складки одежды. Посмотрит конечно. И несомненно узнает что-то новое. Может не о травах, но о людях точно. Мангуста, седой опытный хищник, вышла на охоту.
